

Ученымъ Комитетомъ Министерства Народнаго Просвѣщенія допущенъ къ выпискѣ въ ученическія библіотени городскихъ училищъ.

XVII 45
70

Годъ изданія третій

АВГУСТЪ

№ 19.

1910.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ

СОДЕРЖАНІЕ:

БѢДНЫЙ ПОПКА.
ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.
ВЪ ГЛУБИНѢ АФРИКИ.
ВЪ ПАРКѢ.
НАХОДКА.
ГОЛОВОЛОМКИ.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

Дамскій шарабанъ 1800 года для склеиванія.

„Сѣдая Старина“ (легенды о бы-

№ 19. Августъ, 1910.

Годъ изданія III-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Попугай.

БѢДНЫЙ ПОПКА.

Свѣтило радостное солнце, пальмы высоко шелестѣли въ воздухѣ своими перистыми вѣтвями и океанъ тихонько подкатывалъ къ нашему берегу свои голубыя волны. Обезьяны весело играли въ густой листвѣ деревьевъ и перебрасывались фруктами, а мы, попугаи, сидѣли рядышкомъ на вѣтвяхъ и грѣлись на солнышкѣ. Мы давно уже привыкли къ обществу обезьянъ, потому что нѣтъ такой страны на свѣтѣ, гдѣ бы водились обезьяны и въ то же время не было-бы и попугаевъ. А я слышалъ, что обезьяны и попугаи живутъ въ жаркихъ мѣстахъ всѣхъ странъ, за исключеніемъ Европы.

Итакъ, мы сидѣли на вѣтвяхъ и грѣлись на солнышкѣ. Нѣкоторые изъ насъ лазали съ вѣтки на вѣтку, желая найти лучшее мѣстечко, такъ какъ прыгать мы не умѣемъ, а одинъ, бѣдняга, сорвался и упалъ на землю и долго не могъ съ нея подняться, такъ какъ мы, попугаи, не созданы для того, чтобы ходить по землѣ. Когда мы такъ сидѣли, самый старшій изъ насъ вдругъ сказалъ:

— А знаете что, господа? На со-сѣдней плантаціи поспѣли фрукты! Не полетѣтъ-ли намъ туда и не полакомиться-ли на чужой счетъ?

Мы подумали и отвѣтили:

— Хорошо, а то все-равно эти фрукты съѣдятъ обезьяны.

Тогда нашъ вожакъ пронзительно

взвизгнулъ и всѣ мы, сколько насъ ни было, съ радостными криками, зеленой и красной массой поднялись на воздухъ. Невозможно описать вамъ того очаровательнаго зрѣлища, которое представляло собою наше стадо, когда летѣло по воздуху. Зеленые и ярко-красныя перья на насъ отливали золотомъ на солнечныхъ лучахъ и намъ самимъ казалось, что красивѣе насъ нѣтъ больше птицъ на свѣтѣ. Обезьянки подняли свои мордочки кверху и долго смотрѣли на насъ, пока мы не скрылись изъ виду за высокимъ пальмовымъ лѣсомъ. Насъ было много, всѣ мы живемъ между собою дружно, никогда не ссоримся, и потому мы весело летѣли туда, куда велъ насъ нашъ вожакъ.

Перелетѣвъ черезъ лѣсъ, мы увидали большую фруктовую плантацію и засѣянный маисомъ поля.

— Вотъ здѣсь... сказалъ нашъ вожакъ.— Часть изъ васъ пусть бросится на фруктовыя деревья, а другая часть пусть примется за маисовыя поля.

Тотчасъ-же, по знаку нашего вожака, отъ насъ отдѣлились три другихъ старыхъ попугая и стали въ разныхъ концахъ насторожѣ, а мы всѣ, сколько насъ было, бросились воровать. Каждый изъ насъ одной лапкой уцѣпился за вѣтку дерева, другой отламывалъ отъ него фруктъ и подносилъ къ своему крѣпкому

клюву. Скушавъ фруктъ, мы раскусывали косточки и ѣли и ихъ. Какъ бы ни была жестка и тверда скорлупа косточки, мы всегда съумѣемъ ее раскусить, потому что клювъ у насъ такъ проченъ и силенъ, какъ ни у одной птицы въ мірѣ, за исключеніемъ дятла. Даже у хищныхъ птицъ, убивающихъ животныхъ, онъ не такъ крѣпокъ, какъ у насъ, хотя мы и питаемся одними только зернами и плодами.

Мы такъ увлеклись нашимъ воровствомъ, что и не замѣтили, какъ изъ сосѣдняго шалаша вышелъ негръ-досмотрщикъ. Тогда нашъ вожакъ щелкнулъ языкомъ и три наши сторожа закаркали, какъ грачи. Встревоженные ихъ предостереженіемъ, мы отвѣтили имъ тихонько общимъ крикомъ. А тѣмъ временемъ негръ подходилъ все ближе и ближе. Въ рукахъ у него сверкало на солнцѣ ружье. Тогда наши сторожа каркнули во второй разъ и вся наша толпа бросилась въ бѣгство. Негръ выстрѣлилъ намъ вслѣдъ, но ни въ кого изъ насъ не попалъ и мы весело возвратились къ себѣ домой.

— Ну, хорошо! кричалъ намъ вслѣдъ негръ.—Я вамъ отомщу, гадкія птицы! Будете вы меня долго помнить!

Но мы не обращали вниманія на его слова и прилетѣвъ домой еще долго передразнивали его на разные лады.

— Ну, хорошо! говорили одни изъ насъ.

— Я вамъ отомщу! повторяли другіе.

Теперь мы были сыты. Мы наѣлись и маисовыхъ зеренъ и плодовъ. А когда мы сыты, то мы обыкновенно летимъ пить и купаться. Полетѣли мы пить и на этотъ разъ. Невдалекѣ отъ нашего лѣса протекала рѣка, перебѣгавшая съ уступа на уступъ. По берегамъ ея росли папоротники и всевозможныя красивыя деревья, въ листьѣ которыхъ, какъ пчелки, летали птички-колибри и своими длинными носиками выпивали изъ орхидей ихъ душистый сокъ. Мы всей стаей спустились къ рѣкѣ, долго пили изъ нея воду, потому что мы любили вообще попить, а въ особенности, если вода немножко солена, а затѣмъ стали купаться. Выкупавшись, какъ слѣдуетъ, мы стряхнули съ себя воду и стали обсыпаться сухимъ, теплымъ пескомъ. Это служило намъ полотенцемъ. Песокъ вбиралъ въ себя съ насъ влагу и мы становились совершенно сухими. Обсушившись такимъ образомъ, мы полетѣли обратно къ себѣ домой. Съ сѣверо-запада надвигалась туча.

— Сейчасъ будетъ дождь! сказалъ нашъ вожакъ.

— Неужели? радостно воскликнули всѣ мы.—Какъ это хорошо! Мы такъ любимъ, когда насъ мочитъ теплый дождь! А его не было уже давно!

А тѣмъ временемъ туча надвигалась все больше и больше и слышно было, какъ вдалекѣ гремѣлъ громъ. Всѣ птички приумолкли. Крошки-ко-

либри улетѣли въ свои маленькія гнѣздышки. Обезьянки спрятались въ густую листву. Одни только мы, попугаи, радостно встрѣчали тучу и забрались на самыя вершины деревьевъ, чтобы насъ какъ можно лучше смочило дождемъ.

Но вотъ сверкнула молнія, загремѣлъ громъ и дождь хлынулъ на насъ какъ изъ ведра. Но намъ было пріятно, что насъ промочило до костей и что вода текла съ насъ цѣлыми ручьями.

— Дурачье! крикнула намъ изъ-подъ листвы одна мартышка.—Вѣдь на васъ не останется ни одного сухого пера!

— Ничего! отвѣчали мы ей съ веселымъ смѣхомъ.—Намъ это не вредить!

Дождь прекратился, снова засіяло солнце и мы снова высохли и продолжали лазать по деревьямъ.

— Ну, хорошо! все еще повторяли нѣкоторые изъ насъ слова негра.

— Я вамъ отомщу! повторяли другіе.

Сталъ спускаться вечеръ. Нужно было подумывать о снѣ. Вообще мы не любимъ спать подъ открытымъ небомъ и потому каждый изъ насъ сталъ подыскивать себѣ подходящій уголокъ. Одни зарылись въ самую чащу листьевъ, другіе спрятались по дупламъ, а тѣ, которымъ не хватило мѣста въ дуплахъ, прицѣпились къ краямъ ихъ когтями и клювомъ снаружи, такъ что казалось, будто висятъ изумрудныя серьги, и въ та-

комъ видѣ и провели всю ночь. Я нашелъ себѣ маленькое дупло, влѣзъ въ него, но не могъ помѣститься въ немъ весь цѣликомъ и потому выставилъ наружу свой хвостъ. Рядомъ съ моимъ дупломъ было другое пошире, но въ немъ уже 22 дня сидѣла пара почтенныхъ попугаевъ, выводившихъ своихъ птенцовъ. Завтра у нихъ должно было вылупиться первое яйцо и оба попугая, мужъ и жена, ожидали этого момента съ нетерпѣніемъ. Мы, попугаи, любимъ вообще тихую, семейную жизнь, и мнѣ было пріятно смотрѣть, какъ самка и самецъ поочередно сидѣли на яйцахъ. Смѣняя самку, самецъ всякій разъ цѣловалъ ее въ клювъ и она улетала кормиться и запасаться силами, пока онъ сидѣлъ на яйцахъ вмѣсто нея.

— Воображаю, какіе будутъ смѣшные наши младенцы! мечталъ онъ, когда она прилетала обратно и снова усаживалась на яйца.

— Да, отвѣчала ему самка,—они будутъ совсѣмъ голенькіе, едва покрытые пухомъ... Только черезъ недѣлю на нихъ начнутъ показываться первыя перышки. Но это ничего... Я буду прикрывать ихъ своими крыльями.

— Только смотри, какъ-бы они не выпали у тебя изъ гнѣзда! Вѣдь они раждаются слѣпыми и прозрѣваютъ только на десятый день!

Такъ они вели между собой разговоръ, я слушалъ ихъ и думалъ о томъ днѣ, когда и у меня будетъ

своя семья и я точно такъ-же буду выводить своихъ птенцовъ.

Спустилась ночь и всѣ мы заснули крѣпкимъ сномъ.

Среди ночи я былъ разбуженъ какимъ-то страннымъ шумомъ: слышались крики, хлопанье крыльями и чьи-то человѣчьи голоса. Я встрепенулся, хотѣлъ было высунуться изъ дупла и поглядѣть, въ чемъ дѣло, но въ это время человѣкъ подошелъ вдругъ прямо ко мнѣ, направилъ на меня свой фонарь и, грубо схвативши меня прямо за хвостъ, вытащилъ меня изъ дупла и сунулъ къ себѣ въ мѣшокъ. Свѣтъ фонаря ослѣпилъ меня, но я мелькомъ увидалъ, что это былъ тотъ самый негръ, у котораго мы наканунѣ склевали фрукты и маисъ. Около него былъ и другой.

— Бери его, закричалъ, ухмыляясь, негръ.—Нечего сънимъ церемониться!

Въ темнотѣ мы, попугай, не видимъ ничего, но я понялъ, что въ мѣшкѣ я былъ уже не одинъ и что тамъ было много и другихъ такихъ-же несчастныхъ жертвъ, какъ и я. Теперь моей свободѣ пришелъ конецъ.

— Я вамъ отомщу! кричалъ какой-то попугай, сидѣвшій подо мной и заучившій вчерашнюю фразу негра:—я вамъ отомщу!

— Ну, и хорошо! отвѣтили ему изъ самой глубины мѣшка другіе плѣнники, тоже заучившіе фразу.

Но это было вовсе не хорошо. Отомстить негру мы не могли и въ

нашемъ будущемъ ничто хорошее насъ больше уже не ожидало.

Негръ принесъ насъ къ себѣ домой и свалилъ насъ прямо на землю въ углу. Мѣшокъ былъ завязанъ, намъ было тѣсно и душно; нечѣмъ было дышать. Мы лежали одинъ на другомъ и слышали, какъ самые нижніе изъ насъ стонали отъ тяжести.

— Мы умираемъ! говорили они.— Дайте хоть каплю воздуха!

Но мы, верхніе, сдѣлать ничего не могли и только молча глотали слезы.

Прошла мучительная ночь. Защелбегали птицы и мы поняли тогда, что наступило утро. Затѣмъ мы почувствовали, что насъ подняли съ земли и куда-то понесли. Послышался шумъ.

— Слышишь? шепнулъ мнѣ на ухо мой сосѣдъ.—Это море! Это шумятъ голубыя волны.

И дѣйствительно, скоро мы увидѣли море. Нашъ негръ развязалъ нашъ мѣшокъ и вытряхнулъ всѣхъ насъ изъ него въ стоявшую на кораблѣ большую клѣтку. Многіе изъ насъ оказались уже мертвы и ихъ безъ всякой жалости бросили прямо въ море.

— Хорошій товаръ! говорилъ нашъ негръ, лукаво подмигивая въ нашу сторону и считая деньги, которыя ему отсчитывали матросы.

— Я вамъ отомщу! вдругъ снова послышался голосъ неугомоннаго попугая.

— Ладно, мсти! крикнулъ негръ и сбѣжалъ съ корабля.

Въ клѣткѣ мы оказались не одни. Вмѣстѣ съ нами было посажено туда

нѣсколько мартышекъ, которыя смотрѣли на насъ испуганными глазами, съ выраженіемъ страданія на мордочкахъ. Ясно было, что подобная-же участь постигла и ихъ.

Пить, ѣсть—намъ хотѣлось страшно, безумно пить и никто намъ не давалъ. Обезьянкамъ тоже хотѣлось пить и онѣ, бѣдняжки, высовывали отъ жажды свои розовые язычки и лизали ими запекшіяся губы.

Затѣмъ корабль отчалилъ отъ берега и закачался по волнамъ. Куда насъ повезли? Зачѣмъ?

Въ клѣткѣ было такъ тѣсно, что негдѣ было повернуться. Передъ нами поставили корытце съ теплой, застоявшейся водой; мы всѣ бросились, чтобы пить и просунули сквозь ея прутья головы. Произошла давка, во время которой многіе изъ насъ околѣли. Матросъ вытащилъ ихъ изъ клѣтки и бросилъ въ море.

Я утолилъ, насколько могъ, свою жажду и сѣлъ въ уголокъ. Отъ качки у меня кружилась голова и я закрылъ глаза и сталъ думать о своей судьбѣ.

— Сегодня у меня вывелся мой первый птенецъ, вдругъ услышалъ я голось около себя.—Воображаю, какой онъ голенькій и смѣшной!

Я открылъ глаза и увидѣлъ рядомъ того самаго попугая, съ которымъ разговаривалъ только вчера передъсномъ. Бѣдный! И онъ тоже попалъ сюда!

Онъ прищурилъ отъ удовольствія глаза и продолжалъ:

— Но онъ еще слѣпой и прозрѣеть только на десятый день. Вообра-

жаю, какой онъ карапузъ! Голенькій, большая голова и огромнѣйшій носъ!

А затѣмъ онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Бѣдная моя жена! Какъ-то она теперь будетъ безъ меня?

Мнѣ было жаль его, я закрылъ глаза и сталъ отъ головокруженія дремать.

Мы плыли на кораблѣ 57 дней. Каждый день насъ умирало по два или по три попугая и по одной обезьянкѣ. Изъ всей массы попугаевъ пережила едва только одна десятая часть. О, зачѣмъ я пережилъ всѣхъ другихъ!

Когда насъ вынесли на берегъ, то было холодно, съ неба срывался дождь въ видѣ бѣлаго пуха, и вся земля была покрыта этимъ пухомъ. Я дрожалъ и хотѣлъ отдохнуть. Меня укачало за дорогу такъ, что кружилась голова.

— Куда насъ привезли? спросила меня съѣжившаяся отъ холода мартышка.

— Не знаю, отвѣтилъ я.

Затѣмъ насъ раздѣлили на кучки, каждую кучку посадили въ отдѣльную клѣтку и увезли съ пристани въ городъ. Была уже ночь и я ничего не видѣлъ.

Когда я проснулся, то были сумерки. Я находился въ полутемномъ магазинѣ, въ которомъ были въ клѣткахъ и другіе попугаи, попавшіе сюда раньше меня.

Боже мой, какой у нихъ былъ ужасный видъ! Какъ они были истощены!

Пришла какая-то дама, долго разглядывала меня и моего сосѣда, купила насъ и увезла къ себѣ. Насъ

приковали за лапки къ цѣпочкѣ и стали мы узниками навсегда.

— Зачѣмъ мы имъ нужны? спросилъ меня мой сосѣдь-попугай.— Почему людямъ хочется, чтобы мы сидѣли на цѣпи?

— Не знаю, отвѣтилъ я.

Затѣмъ насъ стали учить говорить. Мы повторяли то, что намъ говорила наша хозяйка, совершенно не понимали, что это значитъ, но она была довольна и давала намъ сладкаго, которое мы не привыкли ѣсть.

— Попочка, говорила она, попочка, скажи «дуракъ»!

— «Дуракъ»! повторяли мы.

И она была въ восторгѣ.

Прошло два мѣсяца. Попрежнему было холодно, висѣли тучи и съ неба валился пухъ. Я тосковалъ о своей родинѣ, такъ что не могъ даже ѣсть, а мой сосѣдь даже серьезно захворалъ.

— Тебѣ снится иногда наша милая родина, спросилъ онъ однажды меня,—съ ея пальмами, обезьянами, вѣчно голубымъ небомъ и лазурными волнами? Я ее часто вижу во снѣ.

Я глубоко вздохнулъ и не отвѣчалъ.

Со дня на день моему сосѣду становилось все хуже и хуже.

— Знаете, что? сказалъ однажды нашей хозяйкѣ ея знакомый господинъ.—Кормите ихъ сырымъ мясомъ и они у васъ живо поправятся!

Хозяйка стала давать намъ сырое мясо. Мы его сроду не ѣли, но теперь должны были ѣсть. Намъ было противно, но скоро мы привыкли.

Отъ сырого мяса начался зудъ по всему нашему тѣлу, такой зудъ, отъ котораго некуда было спастись и хотѣлось сорвать съ себя всѣ перья и чесать тѣло, чесать, чесать...

— Ты знаешь, обратился ко мнѣ мой больной сосѣдь,—я не могу больше выносить этого зуда. Я сейчасъ вырву изъ себя всѣ перья до одного.

Я думалъ, что онъ шутитъ, и закричалъ ему: „Дуракъ“.

Каково-же было мое удивленіе, когда на слѣдующее утро я увидѣлъ его совершенно голымъ. На немъ не было ни одного пера. Онъ сидѣлъ угрюмо на своей жердочкѣ и было противно на него глядѣть.

Пришла хозяйка, взглянула на него и покачала головой. Затѣмъ она подошла къ двери въ кухню и крикнула кухаркѣ:

— Прасковья, возьми эту дрянь и передай ее дворнику, чтобы онъ убилъ ее и выбросилъ ее вонъ! Только одна нечистота!

Кухарка подошла къ моему сосѣду, сняла его съ цѣпочки и, взявъ за ноги, внизъ головою, понесла его на дворъ.

— Я вамъ отомщу! кричалъ бѣдняга.—Я вамъ отомщу!

Я смотрѣлъ ему вслѣдъ и думалъ: „Такая-же участь ожидаетъ и меня. Люди, зачѣмъ я вамъ? Отпустите меня домой!“

И, положивъ голову подъ крылья, я старался забыться и не думать ни о чемъ.

С. Вершининъ.

ВЪ ЖАРКІЙ ПОЛДЕНЬ.

Душно... Жарко.. Пить охота,
Градомъ льется потъ,
На поляхъ кипить работа—
Жатва ржи идетъ.

Нѣтъ дождя. Проходятъ грозы
Гдѣ-то стороной.
Все затихло. Лишь стрекозы
Рѣютъ надъ рѣкой.

Но кузнечики всѣ рады,
Что стоитъ жара,
И выводятъ серенады
Съ ранняго утра.

Ирисъ.

ВЪ ГЛУБИНѢ АФРИКИ.

Французскій инженеръ Кальвиньякъ отправился въ Африку для научныхъ изысканій и именно въ ту часть ея, которая заселена полу-арабскимъ, полу-негрскимъ племенемъ Кабиловъ. Вмѣстѣ съ нимъ отправилась туда-же и его жена г-жа Рене: ей хотѣлось поближе узнать мусульманскихъ женщинъ, и если понадобится,—оказать имъ и ихъ дѣтямъ посильную помощь, такъ какъ ей было извѣстно, что Кабилы очень жестоко обращаются съ своими женами и дѣтьми.

Предпріятіе это было однимъ изъ трудныхъ, такъ какъ въ кабийскій «дуаръ» (селеніе изъ нѣсколькихъ шалашей, построенныхъ въ кружокъ) не впускали никого и ни одинъ иностранецъ не имѣлъ права входить въ «гурби», т. е. въ шалашъ.

Нѣсколько разъ уже г-жа Рене просила своего мужа взять ее съ собою, но онъ только улыбался ей въ отвѣтъ, находя, что для нея это невозможно. Тогда она стала уходить въ окрестности одна.

Однажды, бродя по заросшимъ высокою тропической травой полямъ она услышала чьи-то жалобныя причитанья на непонятномъ языкѣ, прерываемыя громкими всхлипываніями. Она остановилась и прислушалась. Несомнѣнно, что это было живое чело-вѣческое существо.

— Кто здѣсь плачетъ? спросила г-жа Кальвиньякъ на арабскомъ языкѣ, не рѣшаясь сдѣлать шагъ впередъ. Отъ плакавшаго ее отдѣляли переплетенные лианами остролистники, громадныя алоэ и колючіе кустарники.

На ея вопросъ ей не отвѣтилъ никто. Только рыданія стали слабѣе и стихли причитанья. Тогда г. Кальвиньякъ раздвинула кусты, сдѣлала два или три шага впередъ и спросила:

— Кто здѣсь?

Снова не отвѣтилъ никто.

Тогда она прошла еще дальше и вдругъ увидала на днѣ ямы, въ кустарникѣ, среди колючихъ кактусовъ маленькаго ребенка въ одной только рубашкѣ. Онъ положилъ голову на правую руку и тихо рыдалъ.

— О чемъ ты плачешь? спросила его г-жа Кальвиньякъ.

Мальчикъ-арабъ поднялъ голову.

Вода, налитая въ чашку, замѣняла ей зеркало.

— О чемъ ты плачешь?

Все лицо его было мокро отъ слезъ. У него были большія ноздри и выдающіяся скулы, но остро-глядѣвшіе глазки, окруженные рѣсницами, черными, какъ смоль, и курчавые волосы, черные и блестящіе, какъ каракуль, придавали ему выраженіе звѣрка.

— Я упалъ... отвѣтилъ онъ.—Мнѣ больно... больно...

— Гдѣ?

— Здѣсь.

Онъ показалъ на ранку на лбу. Изъ нея струилась кровь и пачкала ему его бѣлую рубашку.

Г-жа Кальвиньякъ присѣла на камень, притянула его къ себѣ, не смотря на его удивленіе и сопротивленіе, и нѣжно приласкала его.

Не привыкшій къ такому обращенію, мальчикъ улыбнулся и сразу-же довърчиво прижался къ груди г-жи Кальвиньякъ.

— Какъ тебя зовутъ? спросила она,

— Алимъ.

— Гдѣ ты жевешь?

— Тамъ... въ «гурби» Абдаллы.

— Какъ зовутъ твою мать?

— Ямина...

И вдругъ, испугавшись своей болтливости, онъ подозрительно посмотрѣлъ на нее и въ свою очередь спросилъ:

— А ты сама изъ нашего племени или нѣтъ?

— Нѣтъ, нѣтъ, мой милый Алимъ.— Но я не причиню тебѣ ни малѣйшаго вреда. Я отнесу сейчасъ тебя къ твоей матери Яминѣ, она промочитъ тебѣ лобъ, а затѣмъ я положу на него повязку.

Алимъ приложилъ руку ко лбу. Выраженіе испуга пробѣжало по его лицу. Молодая женщина перевязала ему лобъ своимъ носовымъ платкомъ, потрепала его ласково по щекамъ, такъ ласково, какъ только можетъ потрепать бездѣтная, лишившаяся своихъ дѣтей мать, а затѣмъ подняла его на руки и понесла.

Алиму было пять лѣтъ.

— У тебя есть братья и сестры? спросила она его по пути.

— Да. Старшій братъ Магометъ, а младшая—сестра Аиша.

— Ты ихъ любишь?

— Не знаю.

— А кто-же знаетъ?

— Аллахъ (Богъ).

Пройдя нѣсколько минутъ, они подошли къ одной изъ хижинъ, покрытыхъ соломой и землей, съ единственнымъ отверстіемъ, служившимъ въ одно и то же время и дверью и окномъ, изъ котораго выходилъ непріятный душный воздухъ.

— Здѣсь, здѣсь! воскликнулъ Алимъ и указалъ на «гурби».

Женщина вошла.

Въ шалашѣ не было никакой мебели. Нѣсколько деревянныхъ чашекъ и блюдецъ, кое-какая утварь, сдѣланная изъ буковой коры, да двѣ тряпки, разостланныя по неровной землѣ,—вотъ и все.

Сидя на корточкахъ прямо на землѣ, Ямина устраивала свой туалетъ. Глядясь на себя въ воду, налитую въ чашку, что замѣняло ей зеркало, она красила себѣ красной краской ногти и лобъ. Таковъ былъ тамошній обычай. Около нея сидѣла ея дочь Аиша и играла обглоданной костью.

При видѣ иностранки Ямина вскочила на ноги. Она бросилась къ ней, чтобы раболѣпно поцѣловать у нея руку, но въ это время увидала у нея на рукахъ Алима съ повязкой на лбу. Она догадалась, что онъ расшибъ себѣ лобъ, и во все горло закричала:

— Аиша, Аиша, бѣги скорѣе за колдуньей!

Г-жа Кальвиньякъ съ удивленіемъ посмотрѣла на нее.

— За колдуньей? спросила она.— Зачѣмъ за колдуньей?

И обратившись къ дѣвочкѣ, которая въ эту минуту повязывала свою курчавую головку, чтобы бѣжать за колдуньей, она повелительно ей сказала:

— Не ходи!

Аиша взглянула на мать, потомъ на г-жу Кальвиньякъ и не знала, какъ ей поступить.

— Но вѣдь у Алима идетъ кровь, воскликнула Ямина и на глазахъ у нея появились слезы.—Только одна колдунья и сможетъ ее унять!

— Бѣдняжка!... вздохнула г-жа Кальвиньякъ.—Вѣдь колдунья тебя обманываетъ. Дай мнѣ воды и я сейчасъ промою твоему Алиму лобъ сама. Я его вылечу сама и онъ завтра же будетъ здоровъ.

— А ты говоришь правду?... Ты не обманываешь меня?

— Обманываю?... Зачѣмъ? Ты увидишь сама!

Аиша принесла чашку съ водой. Француженка налила въ нее нѣсколько капель кровоостанавливающей жидкости, которую всегда носила съ собой. Глазами, полными благодарности, Ямина смотрѣла на нее и говорила своимъ дѣтямъ:

— Она красива, какъ солнце! Она еще могущественнѣе, чѣмъ колдунья! Быть можетъ, она сошла сюда изъ садовъ самого Аллаха!

Такое наивное удивленіе очень тронуло г-жу Кальвиньякъ. Когда-же перевязка на Алимѣ была закончена, то Ямина пала ницъ передъ францу-

женкой, стала цѣловать ея подолъ и сказала:

— За то, что ты спасла Алима, мой мужъ Абдалла принесетъ тебѣ финиковъ и коралловъ.

Француженка поблагодарила.

— Гдѣ ты живешь? спросила Ямина.—Какъ тебя зовутъ?

— Я жена французскаго инженера Кальвиньякъ, отвѣтила та.—Ты вѣдь знаешь, гдѣ онъ живетъ! Онъ живетъ тамъ-же, гдѣ и другіе европейцы. Недалеко отсюда.

— Ахъ, да... знаю... Тамъ, гдѣ живутъ бѣлые... Въ трехъ миляхъ отсюда...

И она снова стала цѣловать руки и платье у г-жи Кальвиньякъ.

— Можно мнѣ еще разъ зайти къ тебѣ, Ямина? спросила ее француженка.

— Да... отвѣтила арабка.—Мы постелемъ для тебя новый коверъ... Но не уходи!.. Скоро вернется Абдалла и принесетъ оливокъ. Онъ проведитъ тебя!

— Такъ скажи ему, что я спѣшу, пусть возвращается скорѣе!

— О, я не могу приказывать своему мужу... Онъ—мой хозяинъ и владыка... Онъ меня за это побьетъ палкой.

Француженку это удивило. За такіе пустяки и прибьетъ палкой! Возможно-ли это?

— Бѣдная Ямина! вздохнула она.— Ну, въ такомъ случаѣ я уйду сама. Мнѣ нравятся твои Алимъ и Аиша и нравишься также и ты. Поэтому я приду къ тебѣ еще разъ. Прощай!

Мусульманка не позволила ей уйти домой одной. Она приказала Алиму проводить ее до самых зарослей и кустарниковъ. Но едва только они вышли изъ селенія, какъ, къ великому огорченію Алима, французенка стала просить его возвратиться назадъ. Но онъ не согласился и послѣдовалъ за нею. Ямина постояла нѣкоторое время у входа, поглядѣла имъ вслѣдъ и вошла обратно въ шалашъ.

Къ вечеру Алимъ возвратился обратно и, растянувшись на землѣ, сталъ рассказывать своей матери, о чемъ съ нимъ разговаривала по дорогѣ иностранка. Вдругъ раздалось ржанье лошадей и послышался лай собакъ. Ямина встревожилась и смиренно сѣла въ уголокъ. Это возвращался ея мужъ.

Распрягши лошадей, Абдалла вошелъ въ шалашъ. Онъ хмуримъ взоромъ оглядѣлся вокругъ себя и затѣмъ направился прямо къ Яминѣ.

— Какъ ты смѣла не доглядѣть за Алимомъ? спросилъ онъ ее.— Почему у него повязана голова?

Она не успѣла ему отвѣтить. Размахнувшись, онъ ударилъ ее палкой прямо по спинѣ.

Аиша и Алимъ, остолбенѣвъ отъ страха, забились въ самый уголокъ.

Бѣдная женщина поднялась, удивляясь, что мужъ не продолжалъ ее бить, поставила передъ нимъ блюдо вареной на салѣ кукурузы и удалилась къ дѣтямъ.

Абдалла сталъ ѣсть. Цѣлыми горстями онъ запихивалъ себѣ въ ротъ

кукурузу, кусочки козьяго мяса и шарики изъ муки. Аиша и Алимъ глядѣли на него изъ своего угла и завидовали ему, что онъ такъ вкусно ѣсть. Подъ конецъ Алимъ потерялъ терпѣніе, тихонько вышелъ изъ своей засады и еще тише подошелъ къ отцу.

— Папа, сказалъ онъ съ плутовской улыбкой.— Дай мнѣ немножко!

Абдалла даже не улыбнулся, а только молча указалъ ребенку на прежнее мѣсто. Аиша тоже прикусила губы. Но ѣда казалась ей такою вкусной и ей такъ вдругъ захотѣлось ѣсть, что она въ свою очередь подошла къ отцу. Абдалла молча далъ ей подзатыльникъ и она съ крикомъ упала на землю.

Ямина сердито посмотрѣла на своего владыку и мужа, подошла къ дѣвочкѣ, подняла ее съ земли и, не сказавъ ни слова, стала ее молча ласкать. Тѣмъ временемъ Абдалла окончилъ ѣсть, насытился и, вставши, небрежно указалъ на остатки ѣды.

— Ыщите, если хотите! грубо обратился онъ къ женѣ и дѣтямъ.

Они тотчасъ-же подбѣжали къ чашкѣ. Ямина не могла отъ огорченія ѣсть сама, но дѣтишки обѣими руками стали хватать изъ нея ѣду и засовывать себѣ въ ротъ.

— Какая французенка добрая... говорилъ въ это время Алимъ.

— Добрая и могущественная, — отвѣтила ему тихонько мать. — Она вылечила тебя своимъ лекарствомъ и своими ласковыми словами. Ты долженъ ее теперъ уважать.

— Я приберегу для нея козьяго молока, а когда выросту большой, то вырѣжу для нея изъ дерева чашку.

— А я натреплю изъ кокосовой пальмы нитей, сказала Аиша, — и сотку для нея изъ нихъ коверъ. Только надо поскорѣе, потому что она обѣщала скоро прійти опять. А ты спрашивалъ, Алимъ, у нея, есть ли у нея дѣти?

— Нѣтъ, отвѣтилъ Алимъ. — Она вытащила изъ кармана розовую конфетку и дала мнѣ. Я положилъ ее на языкъ и было такъ сладко, такъ сладко!.. Когда она дастъ мнѣ въ другой разъ, то я принесу и тебѣ. Я принесъ бы тебѣ и теперь, да конфетка скоро растаяла у меня во рту и я ее проглотилъ.

Абдалла въ это время спалъ или дѣлалъ видъ, что спалъ. Растянувшись на соломѣ, съ огромной погасшей трубкой въ губахъ и съ неизмѣнной палкой въ рукѣ, онъ не дѣлалъ ни малѣйшаго движенія.

Когда-же изъ чашки было выливано все, то Ямина дала дѣтямъ напиться воды. Они пили долго и съ наслажденіемъ, такъ какъ въ тѣхъ мѣстахъ вода дороже, чѣмъ молоко. Затѣмъ она стала приводить все въ порядокъ въ «гурби».

Возвратившись домой, г-жа Каль-

виньякъ рассказала мужу обо всемъ. Онъ встревожился и сталъ ее упрекать, что она зашла къ Кабиламъ одна, такъ какъ для нея это было далеко не безопасно.

— Успокойся, отвѣтила она, — они

Размахнувшись, онъ ударилъ ее палкой прямо по спинѣ.

мнѣ не причинили ровно ничего дурного. Наоборотъ, даже обрадовались мнѣ. Но я должна тебя предупредить, что къ тебѣ придетъ самъ Абдалла.

— Абдалла? удивился инженеръ.

— Да.

Г-жа Кальвиньякъ рассказала ему, что въ благодарность за излеченіе его сына, онъ по мѣстному обычаю долженъ былъ принести ея мужу финиковъ и коралловъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Съ франц. по Е. Gatouil.

ВЪ ПАРКѢ.

Прохладой дышетъ паркъ. Какъ хорошо въ аллеѣ
 Отъ солнечныхъ лучей въ полдневный скрыться зной!
 Льютъ чудный ароматъ красивыя лилеи
 И астры пестрыя, и розы и левкой.
 И ихъ цвѣты, и паркъ, и бабочекъ порханье
 Настолько хороши, что не отвель-бы взоръ,
 А высоко вверху, сквозь листьевъ очертанье,
 Какъ море-океанъ повисъ небесъ шатеръ.

Н. Блудоровъ.

НАХОДКА.

Ваня осиротѣлъ. Сейчасъ только похоронили его мать и теперь онъ остался одинъ во всемъ свѣтѣ. Когда возвращались съ кладбища, то знакомые, провожавшіе покойницу до вѣчнаго успокоенія, глядѣли на него и качали головами.

— Бѣдный мальчикъ! говорили они.— Что съ нимъ теперь будетъ? Придется ему поступить куда-нибудь въ пріютъ для бездомныхъ дѣтей!

Ваня слышалъ эти слова и они заставили его лишній разъ проглотить слезы. Въ самомъ дѣлѣ, куда ему теперь идти? Его отецъ умеръ тогда, когда еще Ванѣ не было и двухъ лѣтъ, а теперь вотъ умерла еще его и мать и онъ остался восьмилѣтнимъ мальчуганомъ одинъ. Мать его служила въ магазинѣ прикащицей, рано уходила и возвращалась домой только

къ вечеру, и онъ ожидалъ ее терпѣливо одинъ, но это не составляло для него одиночества, какъ теперь, потому что цѣлый вечеръ они проводили вмѣстѣ вдвоемъ. А когда наступалъ праздникъ, то она брала его за руку и водила его гулять. По дорогѣ они иногда встрѣчали длинную вереницу блѣдныхъ, почти убогихъ дѣтей, которыхъ тоже водили гулять. Они шли хмуро, не смѣялись, не бѣгали, не разговаривали между собой... «Это — бездомныя дѣти», объясняла ему мать.— «Ихъ тоже водятъ гулять... Видишь ты эту старую даму въ очкахъ? Это ихъ надзирательница! Избави тебя Богъ, когда-нибудь очутиться среди нихъ! Молись, чтобы я не захворала и долго была жива!»

Нѣтъ, нѣтъ! Ваня никогда, ни за

что на свѣтѣ, не поидеть въ пріютъ! А если не поидеть, то что-же ему остается дѣлать? Ему только девятый годъ и гдѣ онъ возьметъ себѣ денегъ, чтобы быть сытымъ и жить? Чѣмъ онъ заработаетъ себѣ кусокъ хлѣба и уголь, гдѣ могъ-бы ночевать?

И, не смотря на охватившую его тревогу, онъ взглянулъ искоса на говорившихъ о пріютѣ и мысленно рѣшилъ:

— Я не пойду въ пріютъ никогда!

Было еще не поздно, но сѣрый ноябрьскій вечеръ уже спускался на землю. Зажглись фонари и, не смотря на то, что было всего только три часа, всѣ магазины были уже освѣщены. При входѣ въ городъ всѣ знакомые разбрелись по своимъ домамъ и Ваня остался одинъ. Поговорили о пріютѣ, пожалѣли о покойницѣ и объ ея одинокомъ сынѣ, но никто не подумалъ о томъ, гдѣ онъ будетъ сегодня ночевать и что будетъ ѣсть. Этого не зналъ и самъ Ваня. Онъ шелъ теперь по улицѣ, прошелъ мимо того дома, гдѣ только сегодня утромъ ему отказали отъ квартиры и теперь ихъ комната была занята уже другими, и никому не было дѣла до того, куда онъ шелъ и чей онъ былъ. Онъ брелъ, куда глядѣли его глаза. Онъ былъ на ногахъ уже съ утра, чувствовалъ усталость и ему хотѣлось присѣсть. Но кругомъ были все большіе, неприступные дома, около которыхъ не было ни одной скамейки. Тогда онъ побрелъ на край города,

гдѣ было меньше движенія и было темнѣе и, усталый, опустился прямо на землю. Было уже темно. Чувствовалась во всѣхъ членахъ усталость и хотѣлось ѣсть. Во всемъ переулкѣ онъ былъ одинъ и теперь до него не было дѣла никому.

Затѣмъ наступила ночь. На мрачномъ небѣ, сквозь разорвавшіяся облака, свѣтила одинокая звѣзда. Ваня чувствовалъ во всемъ тѣлѣ тяжесть, ему было холодно и хотѣлось поскорѣе юркнуть куда-нибудь въ тепло, укрыться одѣяломъ съ головой и заснуть. Чувствуя, что ему не согрѣться, онъ поднялся на ноги и сталъ переминаться, какъ это дѣлаютъ извозчики и торговцы, когда озябнуть. Но это плохо ему помогало. Тогда онъ засунулъ руки въ карманы и опять пошелъ, куда глядѣли его глаза.

— Какъ холодно!.. говорилъ онъ. — Гдѣ-бы переночевать? Я озябъ...

Онъ бродилъ такъ по улицамъ до глубокой ночи. Часы пробили гдѣ-то далеко двѣнадцать. Весь городъ затихъ, магазины были уже заперты и только одни фонари холодно и чинно горѣли въ два ряда, точно хотѣли сказать:

— Мы горимъ такъ потому, что такъ надо... Хотя и нѣтъ никого на улицахъ, но мы все-таки горимъ, потому что намъ приказано горѣть и освѣщать пустыя улицы. Такъ надо!

Проѣхалъ одинокій извозчикъ. Онъ плелся къ себѣ на постоянный дворъ шажкомъ. Лошадка еле шла и извоз-

Съ базара.

Мышь убижала!

чикъ что-то мурлыкалъ себѣ подыносъ. Доѣхавъ до высокаго каменнаго забора, въ серединѣ котораго были сдѣланы ворота, онъ остановился, слѣзъ съ козелъ, дернулъ въ звонокъ и скоро ворота открылись и онъ въѣхалъ во дворъ. Ворота затворились. И вдругъ странная мысль пришла въ голову Ванѣ: не перелѣзть ли ему черезъ эту стѣну и не переночевать ли ему въ одной изъ извозчичьихъ колясокъ, которыхъ было много на постояломъ дворѣ?

Онъ былъ одинъ во всемъ переулкѣ. Его не увидитъ никто. Онъ вскарабкался, какъ кошка, на заборъ, перелѣзъ черезъ него и скоро очутился на большомъ дворѣ, почти сплошь уставленномъ извозчичьими экипажами. Изъ конюшенъ доносились фырканье лошадей, но всѣ извозчики были уже у себя въ каморкахъ и крѣпко спали.

— Вѣдь этимъ я не сдѣлаю зла никому... подумалъ Ваня.

И, забравшись въ одну изъ колясокъ, онъ влѣзъ на сидѣнье, свернулся на немъ калачикомъ и заснулъ. А на дворѣ стояла холодная ночь.

Сколько времени онъ спалъ, онъ не знаетъ. Когда онъ проснулся, то чуть брезжило утро и между колясокъ бродили извозчики, мыли ихъ и запрягали въ нихъ своихъ лошадей. Увидавъ ихъ, Ваня сообразилъ, что ему гораздо лучше незамѣтно уйти поскорѣе, чтобы и въ слѣдующую ночь имѣть возможность переночевать тутъ-же. Во время сна кар-

тузикъ свалился у него съ головы и онъ сталъ шарить по сидѣнью рукой, чтобы его найти. Вдругъ ему поды руку попался какой-то жесткій предметъ. Онъ взялъ его, сунулъ къ себѣ въ карманъ и, найдя фуражку, незамѣтно пробрался между экипажей до воротъ, которыя были уже отворены настежь, и вышелъ на улицу.

— Что-бы это было такое? подумалъ онъ про тотъ предметъ, который нашель.

И, подойдя къ фонарю, который все еще горѣлъ, онъ вынулъ изъ кармана найденный предметъ и сталъ на него глядѣть.

Это былъ дорогой кожаный бумажникъ. Ваня раскрылъ его и увидалъ въ немъ массу денегъ. Онъ былъ туго набитъ все бумажками по десяти и по двадцати-пяти рублей. Одна бумажка была въ сто рублей и были еще двѣ другія, которымъ Ваня цѣны вовсе даже и не зналъ.

— Надо отнести эти деньги обратно... подумалъ онъ со страхомъ, засовывая бумажникъ снова къ себѣ въ карманъ.—Брать чужое—грѣшно.

Тѣмъ временемъ извозчики уже длинную вереницей выѣхали со двора, отправляясь на свой трудовой день. Одни изъ нихъ были угрюмы, другіе веселы, а третьи совершенно равнодушны. Тяжкая жизнь поды холодомъ и зноемъ, поды снѣгомъ и дождемъ пріучила ихъ равнодушно относиться ко всему.

— Но если я понесу сейчасъ этотъ бумажникъ назадъ, подумалъ Ваня,—

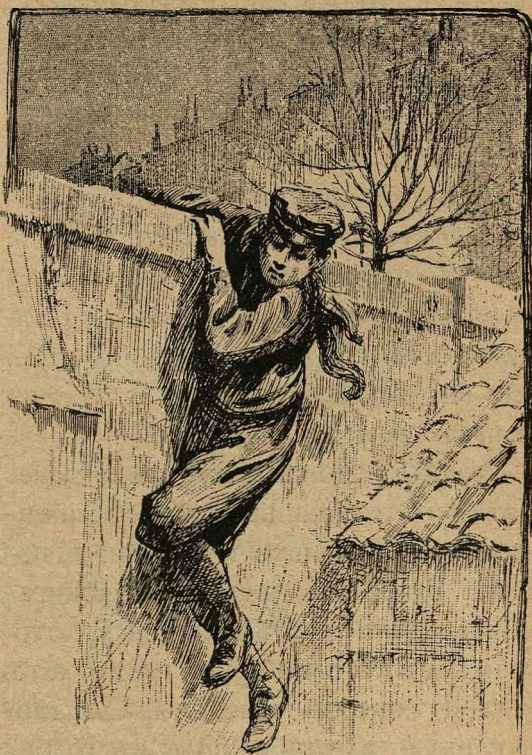
то меня спросятъ, откуда я его взялъ. Отъ меня потребуютъ, чтобы я признался, что я ночевалъ въ коляскѣ и, пожалуй, еще отправятъ меня въ участокъ!.. Нѣтъ, боюсь!

И, подумавъ немного, онъ побрелъ своей дорогой туда, куда по-прежнему вели его глаза.

— На ночь я опять перелѣзу черезъ этотъ заборъ, рѣшилъ онъ, — найду тотъ самый экипажъ, въ которомъ сейчасъ ночевалъ, и, незамѣтно отъ всѣхъ, положу этотъ бумажникъ обратно туда, гдѣ взялъ...

Онъ шелъ и шелъ, и что дальше, то все больше и больше ему хотѣлось ѣсть. Открывались булочныя и пекарни, изъ нихъ вкусно пахло только-что испеченнымъ хлѣбомъ, но у Вани не было ни копейки денегъ и ему не на что было купить себѣ хоть корку хлѣба, чтобы утолить свой голодъ. А когда ужъ окончательно разсвѣло, онъ снова вспомнилъ о своей находкѣ и ему захотѣлось взглянуть на нее теперь. Онъ вытащилъ бумажникъ и заглянулъ въ него. Въ немъ были все тѣ же деньги, которыя онъ видѣлъ и при свѣтѣ фонаря, но теперь, въ одномъ изъ его отдѣленій, онъ нашелъ еще три фотографическія карточки: на нихъ былъ снятъ все одинъ и тотъ-же мальчикъ. На одной изъ нихъ онъ былъ лѣтъ пяти, съ длинными волосами, падавшими ему прямо на плечи, и съ лукавыми, смѣющимися глазенками. На другомъ — лѣтъ семи, но ужъ худенькій, съ потускнѣвшими

глазками и съ грустнымъ выраженіемъ лица. Третья фотографія была снята съ него, когда онъ уже лежалъ больной въ постели; онъ былъ блѣденъ и худъ и лежалъ съ закрытыми глазами.

Онъ перелѣзъ черезъ заборъ.

Ваня положилъ всѣ эти фотографіи обратно въ бумажникъ и скоро позабылъ о нихъ совсѣмъ. Онъ думалъ только о деньгахъ и онъ не давали ему покоя.

— Сегодня-же вечеромъ я отнесу ихъ на извозничій дворъ, думалъ онъ, — и положу ихъ туда, гдѣ взялъ. Онъ не мои и я не имѣю права ихъ тратить.

А тѣмъ временемъ мученія его

стали невыносимы: онъ никакъ не могъ согрѣться уже второй день и сильно хотѣлъ ѣсть.

— Развѣ попросить милостыню? мелькнуло у него въ умѣ.

Но нѣтъ! Еще когда была жива его мать, то она часто говорила ему, что просить милостыню грѣшно, а надо работать.

— Хорошо! рѣшилъ онъ.— Буду работать и я! Я сейчасъ что-нибудь придумаю и мнѣ дадутъ за это денегъ. Я куплю на нихъ хлѣба и съѣмъ!

— Но что-же именно сдѣлать? Онъ шелъ вдоль улицы и мучительно ломалъ себѣ голову надъ вопросомъ: что ему такое сдѣлать, за что ему дали-бы денегъ?

Незамѣтно дошелъ онъ до вокзала. Изъ него толпами выходили пассажиры. Значить, только что пришелъ поѣздъ. Вмѣстѣ съ другими пассажирами выходилъ одинъ господинъ, который несъ въ одной рукѣ пледъ, а въ другой тяжелый чемоданъ. Счастливая мысль вдругъ пришла въ голову Ванѣ. Онъ подскочилъ къ этому господину и, ласково заглядывая ему прямо въ самые глаза, нѣжно сказалъ:

— Не желаете-ли, я вамъ помогу?

— Помоги! отвѣтилъ ему господинъ.— А я дамъ тебѣ за это гривенникъ!

Онъ спустилъ свой чемоданъ на землю и встряхнулъ отекшей рукой.

Боже мой! Цѣлый гривенникъ! Теперь Ваня заработаетъ этотъ гривенникъ и будетъ сытъ цѣлый день!

Ваня подскакиваетъ къ чемодану, хочетъ поднять его съ земли, но у него не хватаетъ для этого силъ.

— Куда тебѣ, карапузъ! говоритъ ему съ упрекомъ пассажиръ, и снова беретъ свой чемоданъ и уходитъ вмѣстѣ съ другими.

Ваня въ отчаяніи смотритъ ему вслѣдъ и не знаетъ, что ему дѣлать. Надежда заработать свой собственный кусокъ хлѣба не оправдалась. Онъ вошелъ въ вокзалъ, сѣлъ въ уголку на диванчикъ и горько заплакалъ.

— Хоть-бы маленькій кусочекъ хлѣбца! сказалъ онъ.— Хоть-бы одну только крошку!

И вдругъ чей-то соблазняющій, недобросовѣстный голосъ заговорилъ въ немъ:

— «Ты хочешь ѣсть? говоритъ этотъ голосъ.— А кто мѣшаетъ тебѣ потратить тѣ деньги, которыя ты сегодня нашель? Развѣ онѣ не твои? Да и кто узнаетъ, что ты ихъ нашель? Съ такою массою денегъ можно прожить счастливо цѣлый годъ и не слоняться изъ улицы въ улицу, какъ это ты дѣлаешь теперь. Глупый! Чего-же ты медлишь? Достань изъ бумажника одну десятирублевку, разбѣняй ее и покупай на нее себѣ, что хочешь!»

Ваня прислушался къ этому голосу, говорившему внутри его. Ахъ, какое это было для него сильное искушение! Онъ ослабѣлъ, ему хотѣлось ѣсть и этотъ голосъ казался ему сладкимъ и убѣдительнымъ и передъ

его глазами стали рисоваться булочки, пирожныя и колбаса, отъ которой такъ вкусно пахло чесночкомъ. Сейчасъ онъ послушается этого голоса, пойдетъ въ булочную, купитъ тамъ себѣ десять французскихъ булокъ и всѣ ихъ сразу съѣстъ. Развѣ онъ не имѣетъ на это права? Развѣ деньги не его?

И онъ рѣшительно направился къ булочной. Дойдя до ея двери, онъ досталъ изъ кармана бумажникъ, вынулъ изъ него десять рублей и снова спряталъ бумажникъ въ карманъ.

Теперь онъ будетъ сытъ!

И вдругъ чей-то другой голосъ, нѣжный и убѣдительный, заговорилъ въ немъ какъ разъ въ то самое время, какъ онъ взялся уже за ручку двери:

— Это не твое, говорилъ этотъ голосъ. — Это чужое! Развѣ можно тратить то, что тебѣ не принадлежитъ?

Онъ прислушался къ этому голосу и ему показалось, что это говорила въ его душѣ его мать. Онъ спохватился, жгаль въ рукѣ десятирублевку и отскочилъ отъ двери.

— Нѣтъ, нѣтъ, мама, заговорилъ онъ. — Я не потрачу этихъ денегъ! Онѣ чужія и я не хочу, чтобы твой сынъ былъ воръ! Я сейчасъ отнесу ихъ назадъ!

И, собравши свои послѣднія силы, онъ поплелся къ тому извозничьему двору, гдѣ ночевалъ истекшую ночь.

— Тебѣ, мальчикъ, кого? спросилъ его дворникъ.

— Кто здѣсь самый старшій? спросилъ Ваня.

— Иди вотъ въ эту дверь... Тамъ контора! Спроси тамъ конторщика!

Ваня вошелъ въ контору. За письменнымъ столомъ сидѣлъ приличнаго вида прикащикъ, передъ нимъ стояла дама въ траурѣ, и онъ велъ съ нею разговоръ.

— Такъ вы, сударыня, говорите, обратился къ дамѣ прикащикъ, — что вы оставили вашъ пакетъ на извозчикѣ?

— Да, вчера вечеромъ, — отвѣчала дама, — когда возвращалась съ Петровской площади на Ивановскую улицу.

— А не можете-ли вы припомнить номеръ извозчика, на которомъ изволили ѣхать?

— Нѣтъ, не помню... отвѣтила дама. — Для меня не столько важны деньги, которыя тамъ находятся, сколько карточки моего единственнаго сына. Мнѣ ихъ больше не откуда достать и за нихъ я могла-бы пожертвовать всѣмъ.

— Хорошо, сударыня... продолжалъ прикащикъ, — какъ только возвратятся изъ города наши извозчики, — такъ сейчасъ-же я имъ всѣмъ сдѣлаю опросъ.

И, увидѣвъ вошедшаго Ваню, робко стоявшаго у двери, онъ его спросилъ:

— Мальчикъ, тебѣ чего?

Задыхаясь отъ волненія и страха, Ваня въ немногихъ словахъ рассказалъ ему, какъ у него умерла мать, какъ ее похоронили, какъ онъ остался одинъ на всемъ бѣломъ свѣтѣ и

какъ ему невыносимо теперь хочется ѣсть.

— Меня хотѣли вчера отдать въ пріютъ, говорилъ онъ, — но я испугался и потому убѣждалъ, самъ не знаю куда... Потомъ мнѣ стало холодно и я очень озябъ. Я ходилъ-ходилъ по всему городу и наконецъ пришелъ сюда. Наступила ночь. Мнѣ сдѣлалось страшно. Я перелѣзъ черезъ вашъ заборъ, забрался въ коляску и переночевалъ въ ней.

— Да какъ-же ты смѣлъ?! воскликнулъ вдругъ прикащикъ. — Въ участокъ, въ участокъ тебя, негодяя этакого! Развѣ можно лазать въ чужіе дворы?

— Простите меня, робко сказала Ваня и слезы засвѣтились у него въ глазахъ. — Мнѣ некуда было дѣваться и я уже два дня ничего не ѣлъ... Какъ мама умерла, такъ съ тѣхъ поръ я ничего и не ѣлъ.

Дама въ траурѣ поглядѣла на его тщедушную, тоненькую фигурку и ей стало его жаль.

— Бѣдный мальчикъ!.. проговорила она. — Значитъ, ты пришелъ сюда попросить милостыню?

Ваня густо покраснѣлъ и опустил глаза.

— Нѣтъ, отвѣтилъ онъ. — Я пришелъ сюда затѣмъ, чтобы возвратить вотъ этотъ бумажникъ, который я нашелъ, когда спалъ здѣсь въ коляскѣ.

Онъ досталъ свою находку и положилъ ее на столъ.

— Мой бумажникъ! воскликнула

дама въ траурѣ и судорожно схватила его со стола.

Не обращая вниманія на деньги, не заботясь даже, цѣлы онѣ или нѣтъ, она стала торопливо заглядывать въ его отдѣленія, повидимому, отыскивая въ нихъ что-то другое, что было для нея дороже всѣхъ денегъ въ мѣрѣ.

— Слава Богу! Вотъ онѣ! воскликнула она, увидѣвъ фотографическія карточки своего сына, и со вздохомъ облегченія опустила въ кресло. — Какъ я рада! Боже мой, благодарю тебя!

И обратившись къ прикащику, она продолжала:

— Теперь не наводите больше справокъ: карточки нашлись!

— А вы-бы сосчитали, сударыня, деньги! отвѣтилъ ей прикащикъ. — Быть можетъ, этотъ мальчуганъ что-нибудь стащилъ!

Она подошла къ Вацѣ, обняла его и нѣжно поцѣловала его въ лобъ.

— Стащилъ? сказала она. — Развѣ такой мальчикъ можетъ стащить?

И ласково погладивъ Ваню по головѣ, она его спросила:

— А ты знаешь, сколько денегъ лежитъ въ этомъ кошелькѣ?

— Знаю, довѣрчиво отвѣтилъ Ваня. — Я всѣ ихъ сосчиталъ.

— И тебя не тянуло потратить ихъ и купить на нихъ чего-нибудь поѣсть?

Мальчикъ опустилъ глаза еще ниже и еще гуще покраснѣлъ.

— Тянуло... такъ-же правдиво от-

вѣтилъ онъ.—Но моя мама сказала мнѣ, чтобы я ихъ не бралъ, и я ихъ не взялъ.

— Но вѣдь ты самъ-же сейчасъ сказалъ, что твоя мама умерла?

Ваня показалъ себѣ на грудь и конфузливо отвѣтилъ:

— Мнѣ показалось, что она сказала мнѣ это вотъ тутъ!..

Дама взяла его за руку, притянула его къ себѣ и горячо обняла.

— Какой ты славный, правдивый мальчикъ! сказала она.—Такимъ-же былъ и мой покойный сынокъ!

Она вынула изъ сумочки душистый платокъ и отерла имъ себѣ слезы. Затѣмъ она долго смотрѣла то на Ваню, то на карточки своего сына, и залилась горькими слезами. Наплакавшись до-сыта, она поднялась съ кресла, положила бумажникъ къ себѣ въ сумочку и снова насухо отерла глаза.

— Пойдемъ! обратилась она къ Ванѣ и взяла его за руку.

Онъ послушно послѣдовалъ за ней.

Выйдя за ворота, она наняла извозчика, сѣла въ коляску и усадила Ваню рядомъ съ собой. Ему было холодно, хотѣлось ѣсть и онъ двигался,

какъ въ полузабытѣи. Она прижала его къ себѣ и такъ и ѣхала съ нимъ всю дорогу.

А когда извозчикъ остановился около параднаго крыльца одного изъ богатыхъ домовъ и она сошла съ экипажа и свела съ собою также и его, то онъ поднялъ на нее свои довѣрчивые голубые глаза и тихонько спросилъ:

— Куда мы идемъ?

Она склонилась къ его головѣ и коснулась своей щекой его лица.

— Ко мнѣ, мой милый, отвѣтила она.—Теперь ты будешь жить здѣсь и останешься у меня навсегда. У меня тоже былъ сынокъ и онъ умеръ, и вотъ Господь послалъ мнѣ тебя!

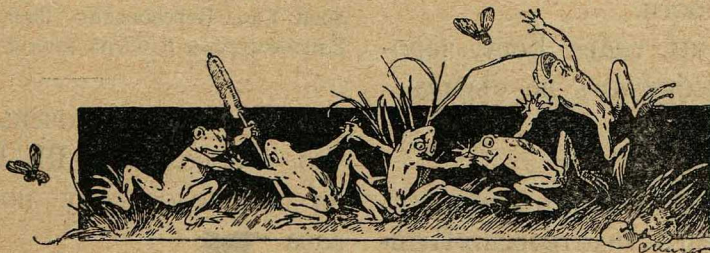
Въ это время нарядная горничная отворила имъ дверь.

— Входи-же! обратилась къ Ванѣ дама.—Теперь этотъ домъ будетъ твой, ты будешь для меня сынкомъ, а я постараюсь замѣнить для тебя мать.

И они вошли.

Съ этихъ поръ для Вани началась новая жизнь.

М. —скій.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Даны слова: Воскъ и Петръ.

Составить изъ ихъ буквъ названіе города на Югѣ Россіи.

II.

Названія какихъ городовъ заключаются въ слѣдующихъ фразахъ:

1) Носильщикъ поднялъ такую тяжесть, что у него заболѣла спина.

2) Пахарь ковырялъ землю, а не пахалъ ее; отъ этого у него и не урожай.

3) На мосту лаяла собака.

4) Въ дремучемъ лѣсу мы заблудились и долго не могли изъ него выйти.

5) Ты такъ не послушенъ, что заниматься съ тобой—одно наказанье!

6) Не угори; гарью пахнетъ; кажется, въ печи есть чадъ.

7) Она долго не могла догадаться, кто-бы это былъ.

8) У насъ товаровъ выборъ громадный, сударыня, чего ни спросите, все есть.

9) Велико зло въ людяхъ! Изъ-за пустяка они готовы причинить другъ другу неприятности.

10) Теперь мы, слава Богу, чародѣямъ и волшебникамъ не вѣримъ.

III.

Изъ слѣдующихъ словъ составить начало извѣстнаго стихотворенія Пушкина,

которое знаетъ каждый школьникъ:

да, ни, бо, ни, зна, я, бо, чка, тру, ты, за, етъ, не, жи, пти.

Рѣшеніе головоломокъ, помѣщенныхъ въ № 17 «Золотого Дѣтства».

I) Потопъ, Осень, Лотъ, Тѣсто, Аистъ, Вакса, Августъ. Задуманное слово—Полтава. Около этого города произошло въ 1709 году сраженіе Петра Великаго со шведскимъ королемъ Карломъ XII.

II) Борода, Овесъ, Роза, Окно, Дымъ, Изба, Носъ, Облака. Задуманное слово—Бородино. При Бородинѣ въ 1812 году произошло сраженіе между русскими и французами, которые подъ предводительствомъ Наполеона I шли на Москву.

III) Калуга.

IV) Воду; колокола, пули; глупость.

V) Тише ѣдешь, дальше будешь.

Вѣрныя рѣшенія прислали: Толя и Жоржикъ Чеботаревы изъ Ржева, Коля Ивановъ, Леля Бергъ, Сандро Антиповъ въ Спб., Витя Быстрицкій изъ Царицына, Ника Петровъ, Петръ Володинъ, Оеда Кривошапкинъ, Алексѣй Игнатьевъ, Петья Степновъ, въ Спб., Оедоръ Аркадинъ, Зина Шульцъ, Леля Салтанова, Олечка Михайлова, Ганя Березовская, Лариса Лукьянова изъ Елисаветграда и очень многіе другіе.

✎ Редакція очень извиняется, что головоломки III, IV и V были по недосмотру помѣщены два раза ✎

Годъ изданія третій.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1910 ГОДЪ

НА ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ДѢТЕЙ

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ)

подъ редакціей М. П. ЧЕХОВА.

При каждомъ номерѣ приложенія (выкройки, игры, картонажи для склеиванія, литературныя и другія).

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой: на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается: а) для иногородныхъ—въ Конторѣ журнала „Золотое Дѣтство“, С.-Петербургъ, Матвѣевская ул., 3; б) для городскихъ подписчиковъ—въ книжныхъ магазинахъ: «Новаго Времени» (Невскій, 40) и Т-ва М. О. Вольфъ (Гостиный Дворъ и Невскій).

➡ Подписной годъ съ 1-го ноября. ➡

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. Чеховъ.

Въ книжныхъ магазинахъ «Новаго Времени» (Спб., Харьковъ, Одесса, Москва и Ростовъ на Дону)

ПРОДАЕТСЯ:

АРИΘМЕТИКА

В. Ф. ГАРТЦА.

ЛУЧШЕЕ РУКОВОДСТВО ДЛЯ СРЕДНИХЪ УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ
И САМОСТОЯТЕЛЬНОГО ИЗУЧЕНІЯ.

Цѣна 70 коп.

Его-же: «КРАТКІЙ КУРСЪ АРИΘМЕТИКИ»

Цѣна 45 коп.